

О РОМАНЕ «ТЫСЯЧА ЛУН»

Никто не умеет так писать и идти на такой поэтический риск, никто так не раздвигает границы языка и границы человеческого сердца, как Себастьян Барри.

Али Смит

Увлекательная книга, но при этом трогает сердце и душу... В ней, как во всех своих лучших книгах, Барри исследует жизнь с неожиданной точки зрения, и этот взгляд свеж, как молодая луна.

The Times

Потрясающе... Безжалостно, достоверно и так красиво, что дух захватывает.

Attitude

В числе удивительных талантов Себастьяна Барри как писателя — его безграничная эмпатия к персонажам. Он влезает в шкуры людей, которых река истории вроде бы смыла без следа, он чувствует их нервами и говорит их устами... Такое внимание к жизням отдельных людей в более общей картине поколений рисует человечную и выпуклую историю ирландского народа и его опыта эмиграции.

Irish Times

Захватывающая история мести и поисков своей идентичности... Ужасает, чарует и заставляет трепетать, и все это изложено уникальной лиричной прозой Барри, одновременно легкой и предельно насыщенной смыслом... такая отличная проза — настоящее волшебство, и его язык воистину универсален.

Observer

Барри увенчан лаврами как ирландский литератор, но он также заслуживает лавров за умение сочувствовать... Экстраординарное достижение.

Sunday Independent (Ireland)

Барри потрясающе умеет описывать. Его проза плотно сплетена и, кажется, в любой момент готова соскользнуть в повествование о человеческой жестокости — до такой степени, что добрые поступки персонажей встряхивают читателя почти так же, как и злые. От страниц исходит ровный тихий свет — неожиданные истории любви и уважения людей друг к другу. Но, к несчастью, «зло... завязало этот мир такими узлами, что добро может лишь надеяться распутать хотя бы несколько нитей».

Sunday Telegraph

Барри — искусный мастер. В этой книге он пишет еще лучше, чем в предыдущих. «Бесконечные дни» и «Тысяча лун» равно великолепны; вместе они — одно из выдающихся достижений современной литературы.

Scotsman

Читая Барри, понимаешь, что он на стороне добра... Внутренняя жизнь персонажей описана так, что эта книга никогда не устареет... К середине романа

Барри успел настолько околдовать меня, что мне захотелось прочитать абсолютно все его произведения.

Spectator

Может, персонажи Барри и провалились в щели меж скрижалями истории, но в щедром, всеобъемлющем воображении писателя они обретают голос. Их жизни, часто нищие, мучительные, на грани выживания, становятся героическими, словно в классической эпопее.

The New York Review of Books

Винона с ее зорким взглядом служит нам проводником не только в уничтоженное прошлое, но и в мир вечной природы.

The Wall Street Journal

Упрощенному делению на «своих» и «чужих» Барри предпочитает ситуации, неоднозначные с точки зрения морали... В этой книге он, как всегда, балансирует между лиричным повествованием и грязным, мучительным миром, который он хочет нам показать... Политика и борьба за власть, мужская жестокость и расовые проблемы в этом романе измыслены с острой интуицией и беспощадным реализмом... Оттого, что эта проза беззащитно откровенна, а ее словарь позаимствован из простой повседневной речи и народных пословиц, мы доверяем писателю, зная, что он как нельзя более бережно коснется ужасных страниц нашего коллективного прошлого, не обращая их в искусство ради искусства. Книга напоминает, насколько нужен нам этот редкий дар прирожденного рассказчика, чтобы разобраться в нашем прошлом и настоящем.

The Guardian

Атмосферная проза Барри запечатлела язык и некротимый дух ушедшей эпохи.

The New Yorker

Барри прекрасно понимает, какие сложности таятся в его решении рассказать историю Вионы. В этом тонком, психологичном и тревожащем романе много умолчаний, много боли... Барри знает, что при такой истории жизни, как у Вионы, нельзя надеяться на искупление, но он показывает, что любовь дает по крайней мере искру надежды.

Financial Times

Кроме запоминающихся персонажей и мощной сюжетной линии, «Тысяча лун» рисует яркие образы языком ушедшей эпохи... как и в предыдущей книге о тех же героях, в этой разработаны бессмертные вопросы терпимости людей друг к другу и прав человека. Две книги вместе взятые заглядывают в самую суть мифов и идей, на которых построена эта страна... Очень заметно, что Барри любит и уважает Виону. «Тысяча лун» — искренний и хорошо написанный роман о бесстрашной самодостаточной героине, а именно таких нам очень не хватает.

Minneapolis Star-Tribune

Этот светоносный роман, горестный и возвышающий душу, принадлежит обладателю многих литературных наград, букеровскому финалисту Себастьяну Барри. Безусловно стоит прочтения.

Library Journal

Чрезвычайно поэтичная книга. Барри снова смещает сексуальные, личные и политические границы, повествуя о том, как смутные времена — враж-

да, беззаконие и раскол — влияют на людей, семьи и сообщества, и об отношениях тех, кто оказался по разные стороны в политическом споре.

Sunday Times

О РОМАНЕ «БЕСКОНЕЧНЫЕ ДНИ»

Удивительное и неожиданное чудо. «Бесконечные дни» — яростный и совершенный лирический вестерн, рисующий зарождение Америки. Этот рассказ от первого лица цепляет каждой строкой — самое захватывающее повествование из всего прочитанного мною за много лет.

Кадзуо Исигуро

Раскопки собственной юности и собственной немолкающей совести... В герое Барри сочетаются пьянящая острота слова и способность изумляться миру. Эта проза настолько прекрасна, что дрожь пробирает. В голосе рассказчика-иммигранта — певучесть, несвойственная американской речи, и юмор нескгибаемой молодости. Но в стране, тоже переживающей подростковый возраст, герой находит все тот же неотъемлемый человеческий парадокс, разрывающий сердце: равную неискоренимость любви и страха.

The New York Times Book Review

«Бесконечные дни» наполнены любовью к жизни и благожелательностью... Барри наделяет своего героя — жителя американского фронта — подлинной поэтичностью... Если кто-нибудь решит

подчеркнуть в «Бесконечных днях» все фразы, обладающие грубоватой, природной, деревенской красотой, придется испещрить все страницы.

Time

Себастьян Барри — несравненный хроникер жизни, утраченной безвозвратно.

Irish Independent

Барри пишет невероятно красивым и живым языком, пульсирующим, подобно песне...

The New York Times

Пограничная сага Барри — головокружительное нагромождение зверства и таящейся от всех любви; кровавое и романтическое, жестокое и музыкальное. Грубоватый, но завораживающий голос персонажа-рассказчика проводит роман от хаотичного стаккато битвы до мечтательных гимнов юности... Книга, от которой невозможно оторваться, сопоставляет ужасы истории с утешениями и радостями домашнего очага.

The Wall Street Journal

То откровенно жестокая, то донельзя простонародная... Внезапные повороты истории главного героя, Томаса, виртуозны, но при этом абсолютно естественны и правдоподобны. Книга пропитана черным юмором... Персонажи Барри, обитающие «в сей юдоли, где подстерегает ненасытная смерть», настолько живые, что у читателя захватывает дух.

The Washington Post

Мастерски сплетенная история любви, войны, искупления — один из лучших романов года. Животная жестокость, душераздирающие чувства, умело

очерченные фигуры персонажей и голос рассказчика, берущий читателя в плен, — гарантирую, вы не скоро забудете прочитанное.

Minneapolis Star Tribune

Роман Себастьяна Барри взял меня за горло первым же предложением, да так и не отпустил. Барри пишет так, как будто завтра никогда не наступит — как будто дни бесконечны. Он уверенно ориентируется в мире вымысла, одним взмахом сметает нас с ног — и мы оказываемся в плутовском романе: жанре, как нельзя более подходящем для описания жизненного пути этого героя.

*Дэвид Гутерсон
(автор романа «Снег на кедрах»)*

Шедевр стиля и атмосферы... Отчасти похожий на книги Кормака Маккарти и Чарльза Портиса, роман «Бесконечные дни» — нестареющий образец исторической прозы.

Booklist

Невероятно... поэтично... замечательно... Потрясающая книга о любви, о грузе вины, о долге перед семьей.

Book Riot

«Бесконечные дни» — книга, потрясающая своей откровенностью; она составлена из предложений, ошеломительно красивых и таких емких, что их трудно выбросить из головы; повествование так динамично, что невозможно оторваться. На страницах романа возникает мир в миниатюре — замкнутый на себя, укрытый от внешнего, священ-

ный; и мир пространств столь огромных и границ столь далеких, что их трудно вообразить. В целом приключенческая сага о семье Макналти — экспериментальная, вечно новая, захватывающая дух. По всей вероятности, она еще не окончена.

Guardian

Проза Барри мрачна и блистательна; всем, кто появляется на его страницах, ежеминутно грозит смерть, но даже в самых гибельных моментах есть элегантность и красота.

Library Journal

Томас, от лица которого идет повествование, воспекает красоту мира и удивляется ей; изумляется он и месту человека в мире. Себастьян Барри уравнивает жестокие описания резни, голода и битв Гражданской войны поэтической манерой изложения и всплесками радости — Томас дивится чудесам природы и бесценному дару жизни... мучительный и прекрасный роман.

Shelf Awareness

Яростная, лиричная, берущая за душу книга — история войны и история удивительной любви... Стиль Барри, ирландского автора, приводит на ум великих американских писателей от Уолта Уитмена до Стивена Крейна и Кормака Маккарти... Лирическая проза Барри — огневая и нежная, полная жестокости и сострадания, — рисует широкую и в то же время детальную картину завоевания Америки и ее непрекращающихся поисков своего «я».

Richmond Times-Dispatch

Захватывающий роман... Все персонажи Барри — детально выписанные живые люди. Текст неизменно упруг и энергичен; предложения одно за другим выпрыгивают на читателя, полные сюрпризов.

The Bay Area Reporter

Есть романы, которые с первой же строки словно поют и с каждым словом взмывают все выше, чтобы наконец достичь обжигающей кульминации. «Бесконечные дни» — именно такая книга. В ней — величественная неизбежность лучшей прозы, несомненно историчной и при этом современной, ведь сегодня нас волнуют те же вопросы, что и героев книги. «Бесконечные дни» — совершенное творение, на сегодняшний день один из лучших романов года.

Observer

За один только потрясающий язык этот роман можно поставить выше других книг года. Эпическая по замыслу, но относительно небольшая по объему, книга Себастьяна Барри «Бесконечные дни» также подарила нам самого искусного рассказчика... Великий американский роман, который — так получилось — написан ирландцем.

The Times Literary Supplement

Назвать эту книгу современным шедевром — не преувеличение. Стиль автора нежен и экономен, как паутина паука. Повествование взбирается все выше и выше и в конце концов взрывается кульминацией, жестокой и эффектной, как удар под дых.

The Times

Феноменально... Эта книга — жизнеутверждающая в самом подлинном и истинном смысле этого слова.

Daily Mail

Эпичная книга, лиричная и удивляющая на каждом шагу... насыщенный и упоительный роман.

Independent

Посвящается К.

Ведь иногда и остаться жить —
дело мужества¹.

Сенека

¹ Луций Анней Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», Письмо LXXVIII, цит. по пер. С. А. Ошерова. (Здесь и далее примеч. перев.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я — Винона.

В ранние дни я звалась Оджинджинтка, что значит «роза». Томас Макналти очень старался это выговорить, но так и не смог и потому стал звать меня именем моей покойной двоюродной сестры — так было легче его губам и языку. Винона значит «перворожденная». Я не была перворожденной.

Мою мать, старшую сестру, двоюродных сестер, теток — всех убили. Они были души из племени лакота, что жило на этих старых равнинах. Я была не настолько мала, чтобы не помнить, — лет шести-семи, — но все равно не помню. Я знаю, что это случилось, так как после солдаты привезли меня в форт и я стала сиротой.

Маленькая девочка меняется много раз. Вернувшись к своему народу, я не могла с ними говорить. Помню, как сидела в типи с другими женщинами и не умела им отвечать. Тогда мне было уже лет тринадцать. Несколько дней спустя я снова обрела слова. Женщины

Себастьян Барри

бросились ко мне и стали обнимать, будто я только вошла. Они могли видеть меня, лишь когда я говорила по-нашему. Потом приехал Томас Макналти, чтобы забрать меня и отвезти обратно в Теннесси.

Даже если твой путь пролег через кровь и горе, потом все равно надо учиться жить. Оглядываться вокруг, узнавать, что к чему, растить или покупать всякое, по надобности.

Ближайший к нам городок в Теннесси назывался Парис. Ферма Лайджа Магана лежала милях в семи от него. С войны уже немало лет прошло, но городок все еще кишел демобилизованными северянами. Побитых южан там тоже было немало, но они вроде как таились и форму свою, цвета тыквенной кожуры, не носили. На улицах на каждом шагу попадались бродяги. И солдаты ополчения, которые гоняли бродяг.

У города была тысяча глаз, и все за мной следили. Неуютное место.

Приходя в бакалейную лавку за покупками, я должна была говорить на чистейшем английском, чтобы не приключилось недоброе. Первые английские слова я переняла от миссис Нил, еще в форте. Потом Джон Коул дал мне два учебника грамматики. Я смотрела в них долго, хорошенько смотрела.

Индейцам и так достается, а если еще говоришь, как ручной ворон, то будет совсем плохо. Белые жители Париса и сами говорили не

Тысяча лун

так чтобы очень хорошо. Многие были приезжими — немцы, шведы. Еще ирландцы, вроде Томаса Макналти. Они научились английскому, только когда уже приехали в Америку.

Но раз я молодая индейская женщина, мне, надо думать, приходилось разговаривать не хуже самой императрицы. Конечно, я могла бы просто сунуть продавцу список продуктов, составленный Розали Бугеро, работницей с фермы Лайджа. Но лучше было говорить.

А иначе вот что случалось бы: меня бы били каждый раз, как я появлялась в городе. Правильная речь спасала меня от этого. Какой-нибудь оборванный батрак с фермы смотрит на тебя, видит смуглую кожу и черные волосы и думает, что имеет право сбить тебя с ног и попинать. И никто ему слова поперек не скажет. Ни шериф, ни помощник шерифа.

Избить индейца — вообще никакое не преступление.

С Джоном Коулом, несмотря что он солдат и хороший фермер, плохо обращались в городе, потому что его бабушка или еще какая-то женщина в роду была из индейского племени. И это было видать по лицу, немножко. Его даже правильный английский не спасал. Может, потому, что он был большой взрослый мужчина. Он не мог каждый раз рассчитывать на пощаду. У него было красивое лицо, так говорили люди и особенно Томас Макналти, но,

Себастьян Барри

наверно, горожане видели в нем индейца. Его сильно избивали, и он лежал страдающим бревном, и Томас Макналти клялся, что поедет и убьет кого-нибудь.

Но изъян Томаса Макналти заключался в его бедности. Мы все были бедны. Лайдж Маган и то был бедняк, хотя владел фермой, а мы стояли еще ниже Лайджа.

Мы были бедные, еще беднее Лайджа.

Когда бедняк что-нибудь делает, он вынужден это делать втихую. Например, если бедняк убивает, он должен это делать очень быстро и потом убежать из леса бегом, как косуля.

И еще Томас сидел в Ливенуортской тюрьме за дезертирство, поэтому при виде военной формы он дергался, хоть и говорил все время, что любит армию.

Я сама стояла ниже Розали Бугеро. Она была чернокожая и святая, вот что я вам скажу. Она выходила в лес на задах фермы Лайджа и стреляла кроликов из ружья своего брата. В славной битве с Тэком Петри — ну, для нас славной, во всяком случае, — когда он и его сообщники хотели нас ограбить и надвигались на нашу усадьбу с неумолимым намерением, Розали отличилась: она перезаряжала винтовки с небывалой скоростью, так говорил Джон Коул.

Но до войны она была рабыней, а рабы, конечно, очень низко стоят в глазах белых.

А я стояла еще ниже ее.

Тысяча лун

В глазах горожан я была лишь обгорелым угольком из индейского пожарища. Всех индейцев давно прогнали из округа Генри. Чероки. Чикасо. Люди не любят, когда уголек вдруг выскакивает обратно из костра.

В глазах Великой Тайны все души стоят наравне. Все пытаются сделать свою душу настолько тощей, чтобы она пролезла в рай. Так говорила моя мать. Все, что я помню о матери, — как кيسет, в который ребенок сложил все свои сокровища и носит с собой. Когда Смерть касается такой любви, в сердце вырастает что-то еще глубже Смерти. Моя мать вечно суетилась вокруг нас — меня и сестры. Она все время хотела знать, как быстро мы бегаем, как высоко прыгаем, и без усталости твердила, какие мы красивые. А мы были просто маленькие девочки — там, далеко, на равнине, под звездами.

Томас Макналти иногда говорил, что я хорошенькая, как разные вещи, которые казались ему хорошенькими, — розы, птички и прочее. Он говорил как мать, потому что у меня тогда уже не было матери. Мне было странно, что раньше, когда он был солдатом, он убил на войне много моих сородичей. Может, даже кого-нибудь из моей семьи убил. Он сам не знал.

«Я была слишком маленькая и ничего не помню», — обычно отвечала я на это. На самом деле нет, но разницы все равно никакой.